

Шэнь Син посмотрел на Цзян Линя. Почему-то ему показалось, что взгляд соседа сейчас отличался от обычного. В нем было что-то особенное... какая-то особенная нежность и жалость? Причем этот взгляд был очень знакомым. Точно, именно так он сам обычно смотрел на Хэйбао и Цяньцзинь.

Цзян Линь неловко убрал руку и принялся поспешно наводить порядок среди еды на столе. Он откусил кусочек недоеденной палочки из теста и спросил, не поднимая глаз:

— Хочешь еще один картофельный оладушек?

В ушах Шэнь Сина эти слова отозвались эхом недавней фразы соседа: «Может, открыть ей еще одну баночку консервов?». Всё, приплыли. Неужели он и правда держит его за комнатную собачонку?

Шэнь Син невольно прокрутил в голове их недавнее общение. Сначала он переживал из-за отправки Лю Сяоху на лечение в Пекин — Цзян Линь это заметил и потащил его пить молочный чай, чтобы развеять тоску. Потом он ушел в печаль из-за малого количества операций, чувствуя себя в ссылке — и Цзян Линь рассказал о своем прошлом, чтобы его приободрить. А теперь он расстроился из-за семейных дел... Кошмар. Неужели в глазах Цзян Линя он выглядит как чувствительная и вечно страдающая «эмо-принцесса»? Эта мысль не на шутку напугала Шэнь Сина.

Видя, что тот молчит, Цзян Линь снова позвал его:

— Доктор Шэнь?

Шэнь Син мгновенно вскинул голову и взъерошил свои волосы, пытаясь развеять сложившееся впечатление.

— Герой, на самом деле я совсем не расстроен. Столько лет уже прошло.

Цзян Линь послушно кивнул:

— Да, я понимаю.

Шэнь Син: ...

Твое «понимаю» звучит слишком уж неискренне.

Он не желал сдаваться:

— Да, признаю, мне немного неприятно, но это лишь капля. Сколько мне лет? Мне уже двадцать восемь, а по лунному календарю все двадцать девять. Почти тридцать. У меня есть работа, есть карьера, я давно вышел из того возраста, когда нуждаешься в любви родителей или старших. Эта новость для меня — так, пустой звук.

Цзян Линю от этих слов стало еще горше. Возможно, сейчас все эти родственные связи и удары в спину уже не так важны для Шэнь Сина, но что он чувствовал тогда, когда это было важно?

Столкнувшись со взглядом Цзян Линя, Шэнь Син понял, что все его объяснения были напрасны.

Выйдя из КФС, Шэнь Син настоял на том, чтобы самому сесть за руль. Если бы его руки не

были заняты рулем, он бы наверняка начал чесать затылок от досады — ну почему ничего не получается объяснить? Он не был из тех людей, кто умеет долго копить всё в себе. Мастерски припарковав машину задним ходом точно на место у подъезда, Шэнь Син отстегнул ремень безопасности и официально обратился к пассажиру:

— Герой, ты ведь не считаешь меня каким-то эмоционально нестабильным бедняжкой, который любит страдать на пустом месте и вечно нуждается в утешении?

Цзян Линь на мгновение опешил, а затем понял, что Шэнь Син всё неверно истолковал. Он улыбнулся:

— Гений, который в четырнадцать лет поступил на непрерывную восьмилетнюю программу обучения, с тех же лет жил один в общежитии, дневал и ночевал в больнице и к тридцати годам заслужил звание доцента, вряд ли может быть «эмо-бедняжкой», верно?

Шэнь Син не мог не признать, что этот поток титулов и похвал был ему крайне приятен, но он всё равно сохранил серьезное выражение лица:

— Ты правда так думаешь?

— Народная полиция не лжет.

Только тогда Шэнь Син сменил гнев на милость, и Цзян Линь облегченно вздохнул.

Поднявшись наверх, Цзян Линь открыл свою дверь, но Шэнь Син не пошел к себе, а последовал за ним.

— Я зайду, посмотрю твою ногу.

Зайдя внутрь, Шэнь Син даже не стал переобуваться. Он усадил Цзян Линя на стул в столовой, опустился на корточки и задрал его штанину. Как он и ожидал, левая нога была ледяной и отекающей — гораздо сильнее, чем при первом осмотре. При нажатии пальцем на голени оставались явные ямки. Цзян Линь почувствовал себя неловко и виновато:

— Вчера погода была холодная...

Шэнь Син даже усмехнулся:

— Опять погода холодная, да? Посмотрю я, что ты летом запоешь. В следующий раз придумай оправдание получше. Попарь ноги в том травяном сборе, что я давал. А вот пластыри, которые я только что выписал — наклейте на суставы. Когда будешь спать, подложи под ногу подушку повыше.

Цзян Линь взял пластыри, которые врач достал из кармана, и послушно кивнул. Дав все указания, Шэнь Син наконец ушел домой.

Он не спал всю ночь и должен был смертельно устать, но после душа сон как рукой сняло. Он всё-таки достал телефон и открыл чат с Шэнь Жукунем. Там висело несколько сообщений. Сначала отец интересовался, как продвигается его работа в Юньнани, а потом начал окольными путями выведывать условия приема в магистратуру его медицинского университета, где Шэнь Син вел преподавательскую деятельность. Хех, Патрик, этот король сплетен, оказался прав. Ради Шэнь Хао отец действительно был готов поступиться своей гордостью.

Шэнь Син отшвырнул телефон и натянул одеяло, собираясь спать, но на душе было так муторно, словно там лежал тяжелый камень. Через три минуты он снова взял мобильный в руки.

«Минимальные требования: средний балл диплома бакалавра не ниже 3.6, шестой уровень экзамена по английскому (СЕТ-6) выше 560 баллов, за первичный экзамен в магистратуру не менее 385 баллов. Только тогда есть шанс попасть на собеседование. При прочих равных приоритет отдается выпускникам престижных вузов и авторам публикаций в журналах SCI».

С Шэнь Хао он виделся всего пару раз и не собирался специально чинить ему препятствия. Это были реальные правила приема в их мединститут в прошлом году. Конечно, правила работали не для всех — везде есть место связям и кумовству, и всегда находились студенты, которых брали в группу вопреки формальным критериям. Но на такие исключения семейке Шэнь Жукуня рассчитывать не стоило.

Меньше чем через две минуты пришел ответ:

«А если есть знакомые профессора, можно ли смягчить условия?»

Шэнь Син рассмеялся от этой неприкрытой наглости.

«Можно. Если ты станешь ректором Академии медицинских наук, тогда и смягчай. А если нет — поумерь свои аппетиты. Куда делось твое хваленое высокомерие? Постыдился бы в такие годы».

После отправки сообщения ему наконец полегчало. Как бы там ни дребезжал телефон уведомлениями, он больше не смотрел и провалился в сон.

Когда он открыл глаза, была уже глубокая ночь — он проспал почти десять часов. Протирая глаза, Шэнь Син сел на кровати и увидел несколько пропущенных вызовов от деда. В обычное время он бы сразу перезвонил, но сейчас при взгляде на этот номер на душе становилось холодно. Он сидел, привалившись к изголовью кровати в темноте, сжимая телефон в руке.

Для деда отец был родным сыном. Когда-то тот опозорил семью, и дед в сердцах отрекся от него, но это не значило, что он никогда не простит сына за измену. В этот раз их случайно застучал дедушка по матери, а сколько раз до этого отец привозил свою новую семью к деду, чтобы насладиться идиллией? Ночью мысли всегда уходят в крайности, и Шэнь Син поймал себя на мысли: а вдруг дедушка, который так любит и балует его, точно так же ведет себя и с Шэнь Хао?

В конце концов, хоть Шэнь Хао и сын любовницы, сейчас они в официальном браке. С точки зрения крови он такой же внук своему деду, как и Шэнь Син.

Сон больше не шел, и Шэнь Син решил заняться делом: читал медицинскую литературу и досмотрел видео сложной операции по замене тазобедренного сустава. В конце концов, по сравнению со скальпелем в руке, эта семейная драма не стоила его времени и сил.

Видео закончилось в шесть утра. Шэнь Син проголодался и захотел «королевскую» версию лапши с говядиной. Он потрепал подошедшего Е-Е, посмотрел на время и отправил сообщение Цзян Линю:

«Утром подается роскошная говяжья лапша от Шэнь Сина. Для бронирования ответьте "1"».

Меньше чем через три минуты пришел ответ:

«1».

Шэнь Син с улыбкой спрыгнул с кровати и поставил воду. Он начал доставать свои «роскошные» добавки одну за другой. Когда он засыпал последний пакетик специй, в дверь постучали.

— Как раз вовремя, сейчас будет готово.

Цзян Линь посмотрел на соседа. Шэнь Син еще не снял пижаму, но выглядел бодрым. Его глаза сияли так же, как в тот раз в хого-ресторане — казалось, он всем сердцем предвкушает поедание этой лапши. Капитан сам не заметил, как облегченно выдохнул, видя соседа в таком тонусе.

Они снова устроились у кофейного столика. Две миски дымящейся лапши были поданы на стол. Шэнь Син, кажется, питал особую слабость к поеданию лапши быстрого приготовления именно на этом ковре за пять с половиной тысяч.

Цзян Линь не удержался:

— Чего так рано встал лапшу варить?

— Да не рано. Я вчера как пришел, так и лег, проспал почти десять часов и проснулся среди ночи. Смотрел видео операции, как раз закончил к завтраку. Как нога? Отек спал?

— Спал. Твои пластыри отлично помогают.

Цзян Линь откусил кусочек ветчины и улыбнулся:

— Всё, пропал я. Привыкну к твоей «роскошной» лапше, обычную потом есть не смогу.

Шэнь Син развеселился:

— Я как раз думал, чего вчера не хватало. В этой лапше нет «души».

— Какой еще души?

— Ты когда-нибудь ел вяленую говядину из северо-западного района Тяньцзиня?

— Это в те старые лавки, куда вечно очереди стоят?

— Точно! Во время ночных дежурств я только этой говядиной и спасался. Если в такую лапшу добавить ту говядину — вкус будет такой, что душа в пятки уйдет.

В те лавки всегда были огромные очереди, и Цзян Линь там бывал редко, но, глядя на горящие глаза Шэнь Сина, он понял, насколько тот ее любит.

— Ох, нет-нет, нельзя об этом думать, — причитал Шэнь Син, продолжая есть. — Чем больше думаю, тем больше хочется.

Цзян Линь вспомнил вчерашний звонок от начальника Суна:

«Верховный суд утвердил смертный приговор Ян Чуньяо, исполнение в конце месяца. В

обмен на информацию о сбежавших за границу наркоторговцах он потребовал встречи с тем, кто его взял. Подумай, хочешь ли ты с ним встретиться. Не заставляй себя, ответ дашь в течение двух дней».

Цзян Линь поднял голову:

— Очень хочется?

Шэнь Син закивал, как китаец-болванчик:

— Очень-очень! Если бы я мог сейчас мгновенно переместиться в Тяньцзинь, я бы купил сразу килограммов пять.

В управлении полиции, в своем кабинете, Цзян Линь перезвонил начальнику Суну.

— Начальник Сун, я готов с ним встретиться.

— Хорошо, я всё организую.

У входа в управление затормозил неброский черный седан. Боец спецназа в гражданском вышел и открыл заднюю дверь:

— Капитан Цзян.

— Спасибо.

Цзян Линь кивнул и сел в машину. Автомобиль выехал за ворота и направился в аэропорт Баошаня. Перед вылетом Цзян Линь успел позвонить Шэнь Сину, тот ответил почти сразу:

— Герой.

— У меня дела по работе, нужно срочно слетать в Тяньцзинь. Вылетаю днем, вернусь, скорее всего, завтра вечером. Ключи от квартиры я оставил Ду Биньбиню, он тебе передаст. Позаботься о Хэйбао.

— Без проблем, сделаю. Как ты до аэропорта? Сам за рулем?

— Нет, меня отвезут на служебной машине.

— Ну и хорошо. Удачи в пути.

— Спасибо.

В аэропорт Тяньцзиня Цзян Линь прибыл в половине седьмого вечера. На выходе его уже ждали люди из городского управления. Проведя его через спецконтроль, его усадили в обычную черную машину.

— Капитан Цзян, сегодня уже поздно. Начальник Сун сказал, что заедет за вами завтра утром. Вас отвезти домой?

— Если не трудно, сначала в северо-западный район. Мне нужно кое-что купить.

После той операции срок государственной защиты для Цзян Линя еще не истек. Двое сопровождавших были не из его родного отдела по борьбе с наркотиками, а специально

прикомандированные из управления для его охраны.

— Хорошо.

Они повсюду следовали за ним. Им обоим было любопытно узнать побольше об этом легендарном капитане, который к тридцати с небольшим уже имел столько наград. Они думали, что ему нужно купить что-то жизненно важное, но никак не ожидали, что он просто подойдет к старой мусульманской лавке с говядиной и невозмутимо встанет в самый конец очереди. Цзоу Минмин даже подумал, что ошибся — он дважды перепроверил вывеску. Да, лавка с говядиной.

Легендарный капитан, едва сойдя с самолета, не спрашивает о деле наркоторговца, не едет домой, а стоит в очереди за мясом? Что за странная сцена?

Минут через пятнадцать подошла очередь Цзян Линя. Он купил пять цзиней вяленой говядины, три цзиня требухи и два цзиня тушеных сухожилий. Цзоу Минмин, зная о его ранении, поспешил помочь донести пакеты до машины.

Шэнь Син в этот день закончил работу вовремя. Вернувшись домой, он первым делом открыл дверь квартиры соседа:

— Хэйбао?

Услышав звук открываемой двери, овчарка, наострив уши, тут же подбежала к нему. Шэнь Син присел и потрепал пса по голове, нашел поводок и взял его с собой:

— Твой папа в командировке, так что сегодня побудешь у дяди дома.

Видимо, привыкнув к запаху Шэнь Сина и Цяньцзинь, Хэйбао не проявлял лишней настороженности в гостях. Белое облачко, увидев гостя, тут же заскакало на четырех лапах, розовые ушки мелко дрожали. Издавая радостные звуки, Е-Е подлетел к Хэйбао и принялся тереться головой о его шею. Овчарка вздрогнула, издала низкий горловой звук, а затем, немного помедлив, склонила голову и потерлась в ответ.

Шэнь Син щедро насыпал обоим корма и открыл по баночке консервов. Он шутливо ткнул пальцем в лоб своего Е-Е:

— Знай, что сегодня ты ешь вкусняшки только благодаря старшему брату. Иначе никаких консервов бы не увидел.

В ответ Е-Е лишь легонько боднул его задом. Шэнь Син достал телефон и, недолго думая, набрал видеовызов Цзян Линю.

Цзян Линь только что вышел из душа, волосы его были еще мокрыми. Он тут же принял вызов:

— Герой, ты уже дома? Смотри, сегодня благодаря Хэйбао наша глупая собака тоже лакомится консервами. Ты...

Он не договорил, заметив за спиной Цзян Линя силуэт. Это был довольно молодой парень. Шэнь Син мгновенно осекся, почувствовав в груди какой-то странный укол дискомфорта, который сам не мог себе объяснить.

— О... у тебя в комнате кто-то есть.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/15778/1610184>